

В. А. Томсинов

**Февральская революция
1917 года в России
как технология разрушения
государства**

Очерк первый

Сокращенный вариант опубликован:

Славяне. 2016/2017. № 4. С. 9–15

Томсинов В.А., *заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор*

Февральская революция 1917 года в России как технология разрушения государства

Очерк первый

О катастрофических для Российской империи событиях конца февраля – начала марта 1917 года, вошедших в русскую историю под названием «февральская революция», написано множество статей и книг. Опубликовано большое количество документов, отражающих эти события. Их участники, сыгравшие в них хоть какие-то роли, и просто свидетели оставили после себя массу посвященных им воспоминаний, заметок, размышлений. Все эти материалы дают весьма подробную картину того, что было названо «февральской революцией». Тем не менее государственная катастрофа, случившаяся с Российской империей сто лет назад, остается тайной, которая все еще ждет своей разгадки.

О ней известно почти все, но непонятно главное — **что это было?**

* * *

В 1918 году в московском издательстве «Земля и воля» вышел в свет сборник статей под общим названием «Год русской революции (1917–1918 гг.)». Он открывался довольно объемным очерком бывшего народовольца и члена партии социалистов-революционеров Авраама Баха, посвященным февральской революции 1917 года и ее последствиям. «Мы, российские социалисты, — признавался в нем автор, — долго ждали пришествия Революции, мы в меру наших сил — объективно говоря, весьма скромных — готовили ее и готовились к ней. А когда она пришла, мы были застигнуты врасплох и после кратковременной светлой радости, объединившей почти все население страны в праздновании всероссийских именин сердца, мы

оказались **перед неизвестной величиной, огромной и страшной»¹** (выделено мною. — В.Т.).

О том, что в конце февраля – начале марта 1917 года в России произошло что-то необычное и лишь условно названное «революцией», признавал и лидер партии конституционных демократов П.Н. Милюков. В своих воспоминаниях, написанных в начале 40-х годов, Павел Николаевич отметил, что январь и февраль 1917 года были полны таким политическим содержанием, «оценить которое пришлось уже после переворота». По его словам, особенностью этого времени было то, что все (включая улицу) «чего-то ждали и обе стороны, вступившие в открытую борьбу, к чему-то готовились. Но это “что-то” оставалось где-то за спущенной завесой истории, и ни одна сторона не проявила достаточно организованности и воли, чтобы первой поднять завесу. В результате случилось *что-то третье, чего – именно в этой определенной форме – не ожидал никто: нечто неопределенное и бесформенное*, что, однако, в итоге двусторонней рекламы, получило немедленное название начала великой русской революции»² (курсив мой. — В.Т.).

Оценка государственной катастрофы, обрушившейся на Россию в конце февраля – начале марта 1917 года, как революции, и при том стихийной и неожиданной, стала распространяться в обществе сразу как только она разразилась. Утром 3 марта председатель Государственной Думы М.В. Родзянко сообщал в телефонном разговоре командующему войсками Северного фронта генерал-адъютанту Н.В. Рузскому: «Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел и которые³, конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе: “Земли и воли”, “Долой династию”, “Долой Романовых” “Долой офицеров!” И началось во многих частях избиение офицеров; к этому присоединились рабочие, и анархия

¹ Бах А.Н. Революция и социализм // Год русской революции (1917–1918 гг.). Сборник статей. М., 1918. С. 5.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 448.

³ Так в подлиннике. — В.Т.

дошла до своего апогея»⁴. Впоследствии уже в своих мемуарах Михаил Владимирович будет настойчиво внушать мысль о непричастности Государственной Думы и собственной персоны к революционному взрыву. По его словам, Дума «совершенно не была внутри себя подготовлена к вспыхнувшей революции и для воплощения таковой не имела никакого плана и никакой организации»⁵.

Между тем активные депутаты Государственной Думы действовали вполне организованно и осознанно. 27 февраля 1917 года в Петрограде появилось следующее воззвание: «Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием»⁶. Под этими словами стояла подпись: «Председатель Государственной Думы Михаил Родзянко».

В обращении Временного правительства к населению России, датированном 6-м марта 1917 года и опубликованном на следующий день во втором номере «Вестника Временного правительства», опять-таки проводилась мысль о стихийности произошедшего переворота. Революция объявлялась в связи с этим народной. «Граждане Российского государства! — заявлялось в данном обращении. — Свершилось великое. Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы»⁷. Произошедшие в Петрограде катастрофические для российской государственности события представлялись в этом документе как «единственный революционный порыв народа, проникнутого сознанием важности

⁴ Разговор по прямому проводу ген. Рузского с Родзянко и кн. Львовым 3 марта 1917 г. в 8 ч. 45 м. // Красный архив. 1927. Том 22. С. 28.

⁵ *Родзянко М.В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции, издаваемый Гессеном. Том 6. Берлин, 1922. С. 63.

⁶ От Исполнительного комитета Государственной Думы // Вестник Временного правительства. 1917. № 1 (47). 5 (18) марта. С.1.

⁷ Вестник Временного правительства. 7 (20) марта 1917 г. N 2 (47). С.1.

народа», как проявление народом «духа высокого патриотизма» в борьбе со старой властью.

Миф о российской государственной катастрофе конца февраля – начала марта 1917 года как стихийной народной революции, воплощавшей порыв народа к свободе, утверждался и в тогдашней публицистике. «Великий русский народ разорвал, наконец, опутывавшую его сеть векового рабства и открыл себе дорогу к новой свободной жизни»⁸, – возвещалось в передовой статье второй книжки журнала «Вестник Европы» за 1917 год.

Однако даже те, кто попал под влияние этого мифа и на революционные события в Петрограде смотрел через его призму, подспудно ощущали в стихийности городского бунта организующее и направляющее начало. Так, внимательно наблюдавший за этими событиями социалист В.Б. Станкевич, писал впоследствии в своих воспоминаниях о странности атмосферы, воцарившейся в столичном обществе после падения самодержавия: «Официально торжествовали, славословили революцию, кричали “ура” борцам за свободу, украшали себя бантами и ходили под красными знаменами... Дамы устраивали для солдат питательные пункты. Все говорили “мы”, “наша” революция, “наша” победа, “наша” свобода. Но в душе, в разговорах наедине – ужасались, содрогались и чувствовали себя пленёнными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем. Буржуазные круги Думы, в сущности, создававшие атмосферу, вызвавшую взрыв, были совершенно неподготовлены к “такому” взрыву»⁹ (курсив мой. – В.Т.).

Еще острее ощущал организованность так называемой «февральской революции» Александр Блок. Он отсутствовал в Петрограде во время роковых событий, но вернувшись домой 19 марта 1917 года, многое о них узнал. А с 7 мая поэт работал в составе учрежденной Временным правительством «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и

⁸ Государственный переворот 17 февраля – 2 февраля 1917 года // Вестник Европы. 1917. Кн. 2. С. V.

⁹ Станкевич В.Б. Воспоминания 1914–1919 гг. Берлин, 1920. С. 70–71.

морского ведомств». Слушал допросы министров царского правительства, потом редактировал их тексты. 26 мая 1917 года Александр Блок занес в свою записную книжку заметку, выражавшую его сомнения в революционности произошедшего в России тремя месяцами ранее государственного переворота: «Если даже не было революции, т.е. то, что было, не было революцией, если революционный народ действительно только расселся у того же пирога, у которого сидела бюрократия, то это только усугубляет русскую трагедию. Чего вы от жизни ждете? Того, что, разрушив обветшалое, люди примутся планомерно за постройку нового? Так бывает только в газете или у Кареева в истории, а люди — создания живые и чудесные прежде всего»¹⁰.

А днем ранее в его дневнике появилась еще более интересная запись: «Надо помнить, однако, что старая русская власть опиралась на глубокие свойства русской души, на свойства, которые заложены в гораздо большем количестве русских людей, в кругах гораздо более широких (и полностью или частями), чем принято думать, и чем полагается думать “по-революционному”. “Революционный народ” — понятие не вполне реальное. Не мог сразу сделаться революционным тот народ, для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью и “чудом”, скорее, просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома. Революция предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?»¹¹.

Участники и очевидцы судьбоносных для Русского государства событий зимы и весны 1917 года — такие люди, как П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский, А.И. Гучков, М.В. Алексеев, М.В. Родзянко, Г.Е. Львов, В.Д. Набоков, В.М. Пуришкевич, В.В. Шульгин, В.И. Гурко и др., — знавшие подлинную тайну крушения Российской империи, не могли рассказать в своих мемуарах, как все происходило на самом деле, поскольку это означало признаться в тяжком преступлении, причем не только против своего государя, но и против целого народа, против

¹⁰ Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 347.

¹¹ Дневник Александра Блока. 1917–1921 / Под редакцией П.Л. Медведева. Л., 1928. С. 11–12.

Русского государства и Русской цивилизации. Поэтому в своих воспоминаниях они о многом — и, конечно, самом главном — просто умолчали, многое исказили, а немало сюжетов даже придумали. Они не пытались оправдаться, потому что совершили такое преступление, которому оправдание найти невозможно. Они стремились скрыть тайные механизмы разрушения русской государственности, представив Российскую империю в виде здания, которое прогнило настолько, что не могло не рухнуть от малейшего толчка или даже прикосновения к нему, а то и просто само собою.

Сторонние же наблюдатели роковых событий, способные быть менее пристрастными, мало что понимали в смысле происходившего. Да и не могли понять. Хотя бы уже потому, что спектакль под названием «февральская революция» имел по меньшей мере два акта, которые проходили одновременно на двух сценах, отстоявших друг от друга на сотни километров: в императорском поезде и в Петрограде.

Поэтому огромный массив мемуаров, дневников, записок о так называемой «февральской революции», показывая в деталях, как разворачивалась трагедия крушения Российской империи, не проясняет, а запутывает ее фабулу. Борис Бьёркелунд, служивший в феврале 1917 года мичманом Русского Императорского Флота и бывший свидетелем событий, происходивших в то время в Петрограде и его окрестностях, при описании их спустя полвека в своих мемуарах счел необходимым заметить: «О революции, ее причинах, развитии и течении написано более чем достаточно и со временем будет написано еще больше. За перо брались как ее сторонники, рассчитывавшие сделать карьеру и попасть в историю, так и противники, потерявшие все, вплоть до родины, и желавшие оправдаться перед потомством за совершенные ими глупости. Писали и “большие люди” в кавычках в силу слепого случая сыгравшие крупную роль, и мелкота, не игравшая никакой роли, но все-таки бывшая, “современником событий”. Большинство их теперь ушло в лучший мир, и все писания, мемуары, воспоминания слились в головах потомства в хаос, малопонятный и запутанный»¹².

Тем не менее свидетельства современников роковых для Российской империи событий помогают понять истинный смысл

¹² Бьёркелунд Б.В. Воспоминания. СПб., 2013. С. 39.

явления, названного «февральской революцией». Причем особую ценность в этом отношении представляют собой показания главных участников русской трагедии. Особенно в тех случаях, когда ими описываются события, свидетелями которых были не только они, но и другие люди, причем самых разных статусов и положений, политических воззрений и пристрастий. Кто-то из них по прошествии времени раскаялся в своем поведении, однако большинство до конца своих дней купалось в самодовольстве, не признавая за собою не только преступлений, но и ошибок. Последнее особенно заметно в воспоминаниях П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского. И любопытно, что именно они, пытаясь скрыть подлинную свою роль в русской трагедии, вольно или невольно больше всего проговорились о том, что на самом деле произошло.

Представляя вспыхнувший в конце февраля 1917 года бунт в Петрограде, в полном соответствии с официальной идеологией Временного правительства, стихийным возмущением народных масс, лидер кадетов П.Н. Милюков вместе с тем допускал оговорки, показывающие организованность этой стихии. В книге «История второй русской революции», написанной вскоре после Октябрьской большевистской революции, Павел Николаевич утверждал, что к началу 1917 года в русском обществе «широко распространилось убеждение, что следующим шагом, который предстоит в ближайшем будущем, будет дворцовый переворот при содействии офицеров и войска» с целью добиться отречения императора Николая II в пользу цесаревича Алексея с назначением регентом на время его малолетства великого князя Михаила Александровича. Однако раньше, чем осуществился этот план, «переворот произошел не сверху, а снизу, не планомерно, а стихийно». И далее Милюков загадочно оговорился: «Некоторым предвестием переворота было глухое брожение в рабочих массах, источник которого остается неясен, хотя этим источником, наверное, не были вожди социалистических партий, представленных в Государственной Думе. Здесь мы касаемся самого темного момента в истории русской революции. Будущий историк, наверное, прольет свет и на эту сторону дела; но современнику,

далекому от этого фокуса общественного движения, остаются только догадки»¹³.

В дальнейшем изложении роковых событий февраля 1917 года Миллюков сделал и другие признания о том, что выглядевшие внешне стихийными забастовки и волнения рабочих были на самом деле хорошо организованы. «Нужно, впрочем, сказать, — сообщил он, — что в общественном мнении более распространено было другое объяснение таинственного источника, из которого шло руководство рабочим движением. Этим источником считалась полиция — и, притом, специально полиция Л.Д. Протопопова. Общество было убеждено, что вместо того, чтобы *ожидать* революции, правительство предпочтет, как это сделал министр внутр[енних] дел Дурново в декабре 1905 года в Москве, *вызвать ее* искусственно и расстрелять ее на улице». И далее Миллюков уверенно заявляет: «Рука департамента полиции несомненно замечалась в забастовках не прекращавшихся на Петроградских фабриках, и даже в студенческих волнениях.

Как бы то ни было, откуда бы ни шли директивы, извне или изнутри, — из объективных фактов с бесспорностью вытекает, что подготовка к революционной вспышке весьма деятельно велась — особенно с начала 1917 года, — в рабочей среде и в казармах петроградского гарнизона. Застрельщиками должны были выступить рабочие»¹⁴.

Полемизируя с утверждениями В.Б. Станкевича в его воспоминаниях, опубликованных в 1920 году, что в конце февраля 1917 года в Петрограде «масса двинулась сама, повинувшись какому безотчетному позыву», что февральская революция — это «стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка», Миллюков допустил еще одну любопытную оговорку: «Это и верно, и неверно. Верно, как общая характеристика движения 27 февраля. Неверно, как отрицание всякой руководящей руки в перевороте. Руководящая рука, несомненно была, только она исходила, очевидно, не от организованных левых политических партий»¹⁵.

¹³ Миллюков П.Н. История второй русской революции. Том 1. Вып. 1. Противоречия революции. София, 1921. С. 36.

¹⁴ Там же. С. 38.

¹⁵ Там же. С. 41.

К сожалению, лукавый лидер кадетов не стал продолжать это признание, но мысль о том, что явление, названное «февральской революцией», было вызвано некоей тайной политической силой, он высказал в предельно ясной форме, заявив: «*Но во всяком случае, закулисная работа по подготовке революции так и осталась за кулисами*»¹⁶.

Самый главный акт «февральской революции» игрался в императорском поезде и он должен был завершиться отречением государя от престола. Второй же акт, пусть и не главный, но необходимый для того, чтобы главный акт пришел к намеченному завершению, в то же самое время ставился в Петрограде. Он должен был вылиться в широкомасштабные уличные демонстрации и завершиться формированием нового правительства.

Ведущими актерами главного акта были император Николай II и его генералы: начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев и командующий Северным фронтом генерал-адъютант Н.В. Рузский. По свидетельству А.С. Лукомского, А.Ф. Керенского «как-то упрекнули в том, что он был одним из руководителей революционного движения в феврале и марте 1917 года и что этим он сыграл в руку немцам». Александр Федорович будто бы ответил на это обвинение: «*Революцию сделали не мы, а генералы. Мы же только постарались направить ее в должное русло*»¹⁷ (курсив мой. — В.Т.).

Ведущими актерами петроградского акта грандиозного спектакля под названием «февральская революция» выступали председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, депутаты Государственной Думы П.Н. Милюков и А.Ф. Керенский, А.А. Бубликов, председатель Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучков. Данный акт предполагал организацию сначала Временного комитета Государственной Думы, а потом Временного правительства взамен царского. Но сначала необходимо было устроить на улицах столицы многотысячную массовку, бунт которой должен был разворачиваться постепенно, приобретая с каждым днем все больший масштаб и производя все более гнетущее впечатление на царское правительство и самого царя. Очевидно, что наиболее всего для такой массовки

¹⁶ Там же. С. 40.

¹⁷ Цит. по: Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Период европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Том 1. Берлин, 1922. С. 151.

подходили рабочие военных заводов и солдаты запасных полков, расквартированные в Петрограде. Они представляли собой весьма внушительную силу: по разным данным от 150 до 200 тысяч человек.

Бывший профессор императорской Николаевской военной академии генерал-лейтенант Н.Н. Головин (1875–1944) писал в своей книге «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.», вышедшей первым изданием в Эстонии в 1937 году, о запасных полках, размещавшихся в феврале 1917 года в Петрограде: «Внутренний порядок в этих войсковых частях оставлял желать много лучшего. Стремление возможно скорее подготовить пополнение действующей армии не было регулировано разумными пределами возможности. Здесь сказалось чисто бюрократическое отношение к делу, которое все более и более проявлялось в царском правительстве по мере увеличения его изолирования. Запасные батальоны были до такой степени переполнены людьми, призванными из запаса, что в ротах состояло до 1000 человек вместо положенных 200. Правильное воинское воспитание такой массы было совершенно непосильно для имевшихся слабых кадров, при этом состоявших преимущественно из офицеров и унтер-офицеров ускоренной подготовки военного времени. Размещение, довольствие, обмундирование и снаряжение столь многочисленных запасных батальонов представляли большое затруднение. Все эти недочеты имели весьма пагубное влияние на обучающихся в запасных батальонах солдат. В казармах создавался нездоровый режим беспорядка, при котором воспитание подготовлявшихся в солдаты людей в духе истинной воинской дисциплины становилось невозможным. Создавалась атмосфера, благоприятная для всякой антиправительственной пропаганды. В результате Петербургский гарнизон отнюдь не мог считаться надежным на случай необходимости прекращения оружием вспыхнувших беспорядков»¹⁸.

Посол Великобритании в России сэр Джордж Уильям Бьюкенен сообщал впоследствии в своих мемуарах, что российские военные власти, «не будь они совершенно лишены дара предвидения, должны были бы оставить в столице небольшой отряд хорошо дисциплинированного и надежного войска для поддержания

¹⁸ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Том 1. М., 2011. С. 21.

порядка. Фактически же гарнизон, насчитывавший около 150.000 человек, состоял исключительно из запасных. Это были молодые солдаты, взятые из деревень, которых сначала обучали, а затем отправляли для пополнения потерь в их полках на фронте. Офицерский корпус, которому было вверено их обучение, был слишком малочислен, чтобы держать в руках такое количество людей. Он состоял из прибывших с фронта инвалидов и раненых и из молодежи из военных школ, совершенно неспособной поддержать дисциплину при наступлении кризиса»¹⁹.

Эту ошибку британский посол считал более тягостной еще и от того, что «Петроград всегда представлял опасность в отношении революционности. Он был центром социалистической пропаганды, которая велась главным образом в казармах и на фабриках. Он был полон германских агентов, работавших над разрушением империи и видевших в этом самый верный шаг к выведению России из войны»²⁰.

Джордж Бьюкенен был очень хорошо осведомлен о состоянии дел в Петрограде. 18 февраля 1917 года он сообщил в свое министерство иностранных дел: «Если приостановится подвоз продовольственных продуктов, то забастовки вспыхнут неизбежно, и меня беспокоит скорее экономическое положение, чем политическое. Если бы дело шло только о последнем, то окончательное улажение его могло бы быть отложено до окончания войны; однако первое является постоянной угрозой. Оно может ежеминутно раздуть тлеющую искру политического недовольства в пламя, а это нанесет серьезный ущерб делу войны»²¹.

Опасения британского посла имели под собой серьезные основания. Население Петрограда достигало в то время 1 800 000 человек, из них 400 000 составляли рабочие. Охрану же правопорядка обеспечивало всего 3 500 городских.

Вызвать волнения при таком положении было нетрудно. Повод к ним вполне могли создать перебои со снабжением столичных магазинов хлебом. И такой повод был создан. Но в дополнение к

¹⁹ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / Пер. с англ. [М.], 1924. С. 194. На английском языке мемуары Дж. Бьюкенена вышли в Лондоне в 1923 г. под названием: «*Buchanan G.W. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*».

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 190.

этому появилась еще одна причина для забастовок. 22 февраля руководство Путиловского завода объявило об увольнении 40 000 рабочих, выступивших накануне с требованием о повышении заработной платы на 50% в связи с резким повышением цен на продовольствие. Рабочие-путиловцы немедленно образовали стачечный комитет и обратились ко всем рабочим Петрограда поддержать их забастовку.

Первые бунты в Петрограде, цепь которых спустя несколько дней повлекла за собой отставку царского правительства и образование так называемого «Временного правительства», начались 23 февраля / 8 марта 1917 года. В этот день «бастовало до 50 предприятий, приблизительно 90 тыс. рабочих. Боевое настроение вылилось в демонстрации, митинги и схватки с полицией. Масса женщин (не только работниц) двигалась к Городской Думе с требованием “хлеба”. В разных частях города появились красные знамена с революционными надписями и требованиями свержения самодержавия и прекращения войны»²².

24 февраля / 9 марта в Петрограде бастовало приблизительно от 160 до 200 тыс. рабочих. «Голпы народа в течение всего дня собирались в разных частях города, хотя и усиленно разгонялись полицией, пехотными и кавалерийскими частями»²³.

В этих сообщениях ничего не говорилось об участии в волнениях солдат запасных полков. Но на следующий день произошли происшествия, которые явно не могли случиться без участия обученных военному делу людей.

25 февраля / 10 марта в Петрограде бастовало до 240 тыс. рабочих. Сходки и забастовки начались и в высших учебных заведениях. К полудню десятки тысяч горожан собрались у Казанского собора и на примыкающих к нему улицах. «Был убит пристав; ранены полицмейстер и несколько других полицейских чинов. В жандармов бросали ручные гранаты, петарды и бутылки.

²² Авдеев Н. Революция 1917 года (Хроника событий). Том 1. Январь-апрель. М.-Пг., 1923. С. 32.

²³ Там же. С. 33.

Войска проявляли пассивность, а иногда и нетерпимость к отношению действий полиции»²⁴.

По описаниям очевидцев событий, происходивших на улицах Петрограда в этот день, некие активисты предпринимали попытки устраивать митинги, демонстрации, провоцировали столкновения с полицией. У памятника Александру III выступил ряд ораторов. Началась стрельба со стороны полиции. Один из ораторов упал раненым. Появились и убитые. Был убит пристав. «В жандармов бросали ручные гранаты, петарды и бутылки. В девятом часу вечера у часовни Гостиного Двора стреляли из револьвера в кавалерийский отряд, который спешил и открыл огонь по толпе, при чем оказались убитые и раненые»²⁵.

В 17 часов 40 минут начальник Петроградского военного округа генерал-лейтенант Хабалов отправил зашифрованной телеграммой в Могилев, в Ставку Верховного главнокомандующего, следующее сообщение: «Доношу, что 23 и 24 февраля, вследствие недостатка хлеба на многих заводах возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В середине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана. Насильственные действия выразились разбитием стекол в нескольких лавках и трамваях. Оружие войсками не употреблялось, четыре чина полиции получили неопасные поранения. Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками. Утром полицмейстеру Выборгского района сломали руку и нанесли в голову рану тупым орудием. Около трех часов дня на Знаменской площади убит при рассеянии толпы пристав Крылов. Толпа рассеяна»²⁶. Императору Николаю II начальник штаба верховного главнокомандующего доложил об этой телеграмме только на следующий день.

²⁴ Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Пг., 1921. С. 55.

²⁵ Авдеев Н. Революция 1917 года (Хроника событий). Том 1. Январь–апрель. С. 36.

²⁶ Телеграмма главного начальника Петроградского военного округа генерала Хабалова начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву 25 февраля 1917 г. № 486 // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 4.

Приблизительно в 21 час того же дня С.С. Хабалов получил телеграммой из Ставки приказ императора Николая II «завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Командующий войсками Петроградского округа собрал начальников участков и командиров запасных частей и, зачитав им государев приказ, распорядился: если толпа агрессивна, открывать по ней огонь после троекратных предупредительных выстрелов в воздух, в остальных случаях — действовать кавалерией.

26 февраля / 11 марта было воскресенье, фабрики и заводы не работали. Толпы рабочих собрались в центре города, который уже напоминал боевой лагерь: всюду были патрули, заставы, разъезды, конница. Слышались звуки выстрелов, было много убитых и раненых. «Это, однако не устало народ, который в громадном количестве продолжал ходить по улицам со знаменами и устраивать митинги»²⁷.

Но самым любопытным был следующий факт: «При предварительной стрельбе войсками вверх, толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов и, по прекращении стрельбы, вновь выходили на улицу»²⁸. Такое поведение толпы трудно объяснить, если не принять во внимание, что она состояла в значительной мере из людей военного воспитания или специально подготовленных для участия в «революционных» событиях.

Генерал Хабалов 26 февраля в 13 часов 5 минут отправил в Ставку следующую телеграмму: «Доношу, что в течение второй половины 25 февраля толпы рабочих, собиравшиеся на Знаменской площади и у Казанского собора, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими чинами. Около 17 часов у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги с надписями: «Долой войну!» На предупреждение, что против них

²⁷ Авдеев Н. Революция 1917 года (Хроника событий). Том 1. Январь–апрель. С. 38.

²⁸ Цит. по: Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. С. 62.

будет применено оружие, из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов, одним из коих был ранен в голову рядовой 9 запасного кавалерийского полка. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около 18 часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранены один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. 25 февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Мною выпущено объявление, воспрещающее скопление народа на улицах и подтверждающее населению, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силою оружия. Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно»²⁹. Императору Николаю II генерал Алексеев доложил об этой телеграмме на следующий день.

Решающие события петроградского акта «февральской революции» разыгрались 27 февраля / 12 марта. В 12 часов 10 минут пополудни генерал Хабалов направил государю в Ставку следующую телеграмму: «Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 26 февраля рота эвакуированных запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка объявила командиру роты, что она не будет стрелять в народ. Рота обезоружена и арестована. Дознание производится. Командир батальона полковник Экстен ранен неизвестным из толпы. Сегодня 27 февраля учебная команда запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка отказалась выходить против бунтующих, вследствие чего начальник ее застрелился³⁰, затем вместе с ротой эвакуированных того же батальона направилась частью к расположению лейб-гвардии Литовского и частью лейб-гвардии Преображенского батальонов, где к ним присоединилась рота эвакуированных последнего батальона. Принимаю все меры, которые мне доступны, для подавления бунта.

²⁹ Телеграмма генерала Хабалова генералу Алексею 26 февраля 1917 г. № 3703 // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 5.

³⁰ В данном случае имеется в виду штабс-капитан Лашкевич, который на самом деле не застрелился, а был застрелен взбунтовавшими солдатами учебной команды запасного батальона Волынского полка. Наиболее точно этот эпизод описан его очевидцами в книге: Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. Пг., 1917. С. 21–22.

Полагаю необходимым прислать немедленно надежные части с фронта»³¹.

В передовице вышедшей в марте второй книжки «Вестника Европы» значение этих событий определялось предельно высокопарно: «С незабвенного 27 февраля 1917 года начинается новая эпоха русской истории. Старый, прогнивший насквозь государственный строй, поддерживаемый жестокими мерами насилия и беззакония, низвергнут единодушным порывом народа и армии»³². Именно слово «армия» наиболее убедительно объясняло в этом заявлении, почему старый государственный строй был низвергнут.

В указанный день солдаты запасных полков Волынского, Литовского, Павловского и Преображенского вышли на улицы Петрограда³³.

Но это был не стихийный выход возмущенных масс, которыми никто не руководил. «Начавшие восстание обходили другие казармы и снимали солдат. К ним присоединились часть офицеров... Восставшие солдаты вместе с рабочими взяли арсенал, завладели Петропавловской крепостью и двинулись к тюрьмам, откуда освободили много социалистических работников. Между прочим, они освободили и Рабочую группу при Центральном военно-промышленном комитете. Руководители этой группы непосредственно из тюрьмы направились вместе с войсками и народом к Таврическому дворцу, где они, совместно с представителями профессионального и кооперативного движения и левыми депутатами Думы, образовали Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов»³⁴.

В этот же день депутатам Государственной Думы и членам Государственного совета было объявлено о приостановке деятельности данных органов. Вскоре после того, как солдаты запасных полков вышли на улицы Петрограда Совет старейшин Государственной Думы избрал Временный комитет, в который вошли авторитетные представители разных фракций.

³¹ Телеграмма генерала Хабалова царю 27 февраля 1917 г. № 56 // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 8.

³² Государственный переворот 17 февраля – 2 февраля 1917 года. С. V.

³³ См. об этом: Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. Пг., 1917. С. 23–32.

³⁴ Авдеев Н. Революция 1917 года (Хроника событий). Том 1. С. 40.

В 20 часов 19 минут 27 февраля генерал Хабалов отправил генералу Алексееву в Могилев новую телеграмму, в которой сообщил: «Прошу доложить его императорскому величеству, что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей одни за другими изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили свое оружие против верных его величеству войск. Оставшиеся верными долгу весь день боролись против мятежников, понеся большие потери. К вечеру мятежники овладели большею частью столицы. Верными присяге остаются небольшие части разных полков, стянутые у Зимнего дворца под начальством генерал-майора Занкевича, с которыми буду продолжать борьбу»³⁵. Принята эта телеграмма начальником штаба верховного главнокомандующего была лишь около часу ночи на 28 февраля.

В 9 часов вечера 27 февраля в Таврическом дворце открылось первое заседание Совета рабочих депутатов, на котором было принято решение о включении в этот орган представителей от полков. Приблизительно тогда же началось заседание и Временного комитета Государственной Думы, на котором его членами было принято решение «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка».

Утром 28 февраля вышел в свет тиражом более 200 000 экземпляров первый номер советской газеты «Известия», в котором объявлялось о том, что днем ранее «в столице образовался Совет рабочих депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп», и что он, заседающий в Государственной думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России»³⁶.

³⁵ Телеграмма генерала Хабалова генералу Алексееву 27 февраля 1917 г. // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 15-16.

³⁶ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. В пяти томах. Том 1. 27 февраля - 31 марта 1917 года. Л., 1991. С. 21.

Ход событий, в том виде как он разворачивался с 23 февраля, был явно неслучайным: *в нем нетрудно увидеть совершенно определенную логику, а значит следование хорошо продуманному плану.* Массы людей выходили на улицу сначала с чисто экономическими требованиями. Поэтому полиция их не разгоняла. Утвердившись на пространстве улиц и соорганизовавшись в устойчивое сообщество, демонстранты и протестующие начинали выдвигать политические лозунги. При этом толпа вела себя удивительно смело, как будто зная заранее, что крупными войсковыми подразделениями разгонять ее не будут, а против мелких войсковых групп она вполне сможет выстоять и сама, с помощью внедренных в нее боевиков с револьверами и гранатами.

Любопытно, что об опасности возникновения в Петрограде солдатских бунтов солдат в союзе с рабочими неоднократно сообщалось с осени 1916 года в полицейских сводках.

Так, в сводке начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь месяц констатировалось: «Тяжелое материальное положение рядового обывателя, обреченного на полуголодное существование и не видящего никакого просвета в ближайшем будущем, заставило его сочувственно и с редким вниманием относиться ко всякого рода планам и проектам, основанным на обещании улучшить материальные условия жизни.

В результате создалась обстановка, в высшей степени благоприятствующая всякого рода революционной пропаганде и начинаниям и более чем правильно оцененная активными руководителями левых и иных противуправительственных групп; трудно отрицать и возможность скрытой в такой благоприятной обстановке работы тайных немецких агентов, уже давно и неоднократно возвещавших всему миру, что Россия — накануне революции, что Петроград более чем близок к вооруженному восстанию в целях добиться немедленного заключения мира, и т.п.»³⁷.

Далее в сводке приводились конкретные данные, свидетельствовавшие о росте цен и резком ухудшении материального положения рабочих и крестьян, росте недовольства солдат

³⁷ Центрархив. 1917 год в документах и материалах. Буржуазия накануне февральской революции / Подготовила к печати Б.Б. Граве. М.-Л., 1927. С. 129.

недостатками в снабжении армии, нарастанием хаоса в ее управлении. Вывод, который делался из таких фактов, показывает, что события конца февраля 1917 года в Петрограде не стали откровением для полицейского руководства. «Успех пропаганды социалистов-революционеров в армии, о котором с каждым днем поступаю все новые и новые данные, — говорилось в октябрьской сводке столичного губернского жандармского управления за 1916 год, — заставляют нас ждать, что начало революции положат те солдаты, коих насильно сделали из вчерашних рабочих, и те рабочие, которые подчинены каторжному режиму военно-полицейского государства, и которых, под страхом пуль и штыков, заставляют работать те же самые штыки и пули»³⁸.

Сводки охранного отделения, осуществлявшего политический сыск, за 1916-й и первые два месяца 1917 года дают основание считать, что это был едва ли не единственный государственный орган, который надлежащим образом выполнял свои функции. И думается, его сотрудники хорошо понимали тогда, что социалисты-революционеры не имели в действительности такого влияния и могущества, чтобы вызвать революцию. Петроградский акт спектакля под названием «февральская революция» готовился к постановке другими, значительно более влиятельными силами.

К.И. Глобачев, занимавший в это время должность начальника Петроградского охранного отделения, рассказал впоследствии в своих мемуарах, как ему удалось раскрыть тайну пулеметной стрельбы в столице во время февральских волнений: «Уже в то время меня сильно заинтересовал вопрос, по ком в Петрограде стреляли, если почти никто не сопротивлялся, и особенно, кто стрелял из пулеметов. Например, проходя мимо Исаакиевского собора, я ясно слышал стрельбу из пулемета, как будто бы с купола этой церкви. Через несколько дней я все восстановил в своей памяти и причина пулеметной стрельбы стала для меня совершенно ясной. За месяц до переворота, по имевшимся в Охранном отделении сведениям, на Путиловском заводе исчезло 300 пулеметов, совершенно готовых и упакованных в ящики для отправки на фронт. Несмотря на самые тщательные розыски, предпринятые Охранным отделением, найти их

³⁸ Там же. С. 130.

не представилось возможным. Весьма понятно, что, когда город остался без полицейского обслуживания уже с 24 февраля, можно было расставить пулеметы где угодно совершенно безнаказанно, что и было сделано на тот случай, если бы войска упорно не переходили на сторону восставших рабочих и их нужно было бы понуждать к этому силой. Самая расстановка пулеметов на крышах, чердаках и колокольнях указывала, что они попали в руки людей, не умевших с ними обращаться. Когда стало очевидным, что воздействовать на войска силой оружия не нужно, что они без всякого понуждения сами присоединились к восставшим, то, естественно, расставленные заблаговременно пулеметы были брошены на произвол судьбы и ими воспользовались всякие преступные элементы и хулиганы для того, чтобы произвести как можно больше беспорядка. Кроме трескотни и шума, вреда от них никакого не было, так как стрельба с тех мест, где они были поставлены, не могла быть действенной»³⁹.

Ранним утром 28 февраля император Николай II покинул могилевскую Ставку и отправился поездом в Петроград. Так начался главный акт «февральской революции» и заключительная, решающая часть всего этого спектакля. По сюжету разыгрывавшейся драмы надлежало не просто воспрепятствовать приезду государя в столицу, но сделать так, чтобы императорский поезд остановился в Пскове, где находился штаб одного из главных заговорщиков командующего Северным фронтом генерал-адъютанта Н.В. Рузского.

Выполнение этой сложной задачи было возложено на депутата Государственной Думы, а по специальности инженера путей сообщения А.А. Бубликова. Утром 28 февраля он получил от председателя Государственной Думы М.В. Родзянко поручение на взятие под контроль ее Временного комитета российских железных дорог и связанной с ними телеграфной сетью. Явившись в сопровождении солдат в министерство путей сообщения в качестве комиссара, представителя новоявленной власти, Бубликов занял кабинет начальника управления железных дорог и стал вместо него распоряжаться железнодорожным движением.

³⁹ Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 124–125.

Сообщив по телеграфу всем железнодорожным служащим о переходе верховной государственной власти к Комитету Государственной Думе и о том, что они призываются «к великой работе на пользу свободной ныне страны»⁴⁰, он взялся за исполнение главной своей роли. Императорский поезд в это время безуспешно пытался пробиться к Петрограду через Бологое. Позднее в своих воспоминаниях, изданных в 1918 году в Нью-Йорке, А.А. Бубликов написал, что узнав, где царь, «сейчас же отдал распоряжение, чтобы его не пускали севернее линии Бологое-Псков, разбирая рельсы и стрелки, если он вздумает проезжать насильно»⁴¹.

А.И. Спиридович, занимавший с августа 1916 года должность Ялтинского градоначальника, находился в конце февраля 1917 года в командировке в Петрограде и самолично наблюдал происходившие там роковые события. В своих воспоминаниях он раскрыл, как было взято под контроль заговорщиков из Государственной Думы движение императорского поезда. По его сведениям, последний оплот царской власти в Петрограде пал к полудню 28 февраля, когда остатки верных государю воинских частей, засевшие в Адмиралтействе, по решению генералов, прекратили свое сопротивление. Мятежники начали праздновать победу, но при этом, отмечал Спиридович, «все в Думе нервничают и боятся. Боятся возвращения Государя, боятся прихода войск с фронта. Вот почему овладеть всей сетью железных дорог, помешать движению императорских поездов делается очередной задачей революции.

За выполнение ее, по собственной инициативе, хотя и с согласия Родзянко, взялся член Думы инженер Бубликов». Разослав железнодорожникам телеграммы о запрете движения «каких-либо воинских поездов в районе 250 верст кругом Петрограда», он вызвал из Царского Села служащего министерства путей сообщения инженера Ломоносова. По словам Спиридовича, «Бубликов предложил ему служить революционному правительству. Ломоносов согласился и Бубликов поручил ему установить место нахождения императорских поездов и взять их движение в свои руки, чтобы

⁴⁰ Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 24.

⁴¹ Там же.

поступить с ними, как прикажет Временный Комитет. Это было около 11 часов вечера. Не прошло и часу как Ломоносов вошел в связь с начальством Николаевской, Северо-Западной и Московско-Виндавской железных дорог, по которым должны были следовать императорские поезда. Он отдавал приказания. Все слушались»⁴².

В результате заговорщикам удалось направить императорский поезд в Псков и задержать его там на время необходимое, чтобы добиться от Николая II отречения от престола.

Эту меру А.А. Бубликов считал решающей в победе февральской революции и в свержении царя с трона. «28-го февраля я первый взял из его ослабевших рук государственную власть, — патетически заявлял Александр Александрович в своих мемуарах. — Ощущи он тогда хотя малейший прилив энергии и я был бы на виселице. Ведь в Петербурге была такая неразбериха, Петербургский гарнизон уже тогда был настолько деморализован, на “верхах” так мало было толку, порядка и действительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание в корне было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простым перерывом железнодорожного сообщения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. Мне это, сидя в министерстве путей сообщения, было особенно ясно видно»⁴³.

Сам Николай II рассчитывал прибыть в Царское Село в половине девятого утра 1 марта. Великий князь Павел Александрович, зная от императрицы о времени прибытия на станцию императорского поезда, поехал встречать его величество, однако вскоре вернулся в крайней тревоге, сообщив своей супруге княгине О.В. Палей, что государь не приехал, поскольку «на полпути из Могилева в Царское революционеры во главе с Бубликовым остановили царский поезд и направили его на Псков»⁴⁴.

⁴² *Стиридович А.И.* Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. В 3-х книгах. Кн. 3. Нью-Йорк. 1962. С. 195.

⁴³ *Бубликов А.А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). С. 58.

⁴⁴ *Палей О.В.* Мои воспоминания о русской революции // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Февральская революция. М.-Л., 1926. С. 351.

И действительно, как и было задумано заговорщиками, около восьми часов вечера 1 марта государь оказался в Пскове. Операцию по его принуждению к освобождению царского трона заговорщикам удалось провести, к их неожиданности, легко и быстро. Уже на следующий день Николай II принял решение об отречении от престола — сначала в пользу сына, а затем брата.

Вся эта довольно сложная операция с императорским поездом завершилась публикацией 4 марта 1917 года одновременно двух манифестов: одного — об отречении императора Николая II от престола государства Российского и сложении им с себя верховной власти с передачей наследия своему брату; другого — о согласии великого князя Михаила Александровича «в том лишь случае воспринять верховную власть», если такова будет воля народа российского.

Указанные документы означали фактическую ликвидацию в России традиционного, исторически сложившегося Русского государства.

Чтобы произошла эта государственная катастрофа, должна была осуществиться необычная и очень сложная комбинация, предполагавшая предельно согласованные действия в течение четырех дней целого ряда высоких должностных лиц Российской империи, находившихся в самых различных местах: в Петрограде, Могилеве, Пскове, в штабах фронтов, в императорском поезде.

Кроме того необходимо было привлечь к содействию им довольно большое число простых чиновников и офицеров.

В Петрограде должны были начаться «народные» волнения и вспыхнуть солдатский бунт, образоваться временное правительство взамен царского, императорскому поезду надлежало прибыть в Псков, где был расположен штаб командующего Северным фронтом генерала Н.В. Рузского. При этом необходимо было предотвратить поход верных государю и государству войск на Петроград, а самому императору надо было внушить мысль о том, что только его отречение от престола способно спасти Россию, причем предложение сделать это должно было поступить Николаю II одновременно и от Государственной Думы, и от высшего генералитета.

Руководители и депутаты Государственной Думы, члены и комиссары новоявленного правительства, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, начальник штаба Верховного главнокомандующего, командующие фронтами, великие князья, управляющий министерством путей сообщения и чиновники министерства — все эти и многие другие люди должны были действовать совместно, следуя заранее разработанному общему плану, чтобы «февральская революция» могла достичь тех целей, ради которых она затевалась.

Можно предположить, что произошедшее с 28 февраля по 4 марта (по Юлианскому календарю) или с 13 по 17 марта 1917 года (по Григорианскому календарю) было всего лишь импровизацией, случайным совпадением различных событий, происходивших в разных местах. Вполне возможно признать, что люди, определившие участь русского царя и судьбу Русского государства, действовали исключительно самовольно, под влиянием своих желаний, и поведение их оказалось на редкость согласованным вследствие простого стечения обстоятельств.

Но как тогда объяснить, почему из всех вариантов решения проблемы, стоявшей перед ними, они выбрали самый пагубный для России вариант?

Очевидно, что спектакль, названный «февральской революцией», не мог быть разыгран без режиссера и без предварительно разработанного сюжета.

Но кто был режиссером этой величайшей русской трагедии?